письмо первое

журнал “Ретрополь”, связанные с ним события

и не связанные с ним события

09.09.09 и 19.09.09

Хотела девятого начать писать, но случился у нас праздник Кику-но сэкку. Это праздник хризантем японский. Утром нашли кофту с вышитыми хризантемами, мама вышивала, когда мы вышивальную книгу делали в «Молодой гвардии», и зеленый китайский зонтик. А дети устроили мне сюрприз, подарили швейную электрическую машину, по случаю тройной девятки, и все меня учили, Митя больше всех, а внуки сидели на голове.

Так что я очень утомилась, да еще с утра мы делали открытки на компьютере с хризантемами, а это очень нервно.

Собственно, я начала не с того с чего хотела, ну и ладно. Книга моя будет в подражание любимым японским дневникам. Таким великим дамам как Сэй Сёнагон и Мурасаки Сикибу и Кэнко-коси «записки от скуки», написанные в жанре дзуйхицу, что в буквальном переводе значит «вслед за кистью». И можно писать все, что придет в голову, что вспомнится, что захочется. Очень приятное занятие, лежишь себе на диване, чисто и аккуратно, не то что, когда рисуешь или делаешь коллажи, шьешь. Хаос вокруг, в который, как в черные дыры, попадают самые нужные в данный момент вещи и приходится все перерывать, а когда найдешь, теряется что-нибудь другое не менее нужное. А так тетрадь и ручка. Устроишься удобно, оборочки расправишь, халат на ноги. Халат осенний, я его сшила специально для таких занятий. Рядом на столе блюдо и корзина с яблоками. Это мы на Дачу к Коротковой ездили, спасать ее от урожая яблок. Запах дивный, на халате гранаты, груши, лимоны и еще какие-то экзотические фрукты, и голубая шелковая подкладка у него, как у шкуры медведя из «Разбойников» в театре Пушкина в далёкие времена, что очень приятно.

А сегодня двадцатое, погода несколько испортилась, яблоки почти все съели, осталось одно блюдо. Его Ира привезла из Ташкента, когда была там на практике. Оно всё облупленное, за столько лет оно и понятно. А я вот привезла пиалы керамические из Душанбе, очень красивые с синим узором, так они облезли, пока я их в самолете везла. Так они и стоят без дела в «баре». Бар – это у нас есть закрытая полка, куда мы складываем всякие ценности из разных мест свои и дарёные. Иногда мы его открываем, пыль вытереть, а маленькие, сначала дети, потом внуки, большими глазами рассматривают их. Привлекают их цветные стеклянные камни.

Их подарила Галочка Лавровская, она училась в Строгановском на стекле, ездила на практику в Гусь Хрустальный, привозила куски и дарила друзьям.

А дружила она с Ирой, они вместе на подготовительных курсах учились. Стёкла похожи на цветные прозрачные скалы. Горы я очень люблю, они такие разные и красивые и все время меняют цвет от освещения. Море тоже хорошо, но оно мне несколько чужое, наверное, потому, что поздно его увидела. А горы сразу стали родные, как увидела и в степи хорошо тоже свое. Люблю запах полыни.
Начинаешь вспоминать хорошее, но тут же вылезают непрошенные воспоминания, и они часто совсем неприятные и потом несколько дней преследуют, никак не отвяжешься.

Тень красоты
Тень стрекозы
Тень пламени свечи
Отражение луны
Рыбки тень
И блеск воды
Лошадь белая бежит
Отражаясь в небе
Тени бегают по кругу
Ну а в зеркале ночном
Тень улыбки юной девы
Тень слезы
Мимолетны эти тени
Только морщится вода
Вспоминаешь иногда
Горькой тени улыбаясь.

Сегодня осеннее равноденствие. У японцев опять праздник Сюбун-но-хи. Они его аж неделю празднуют. Называется она Аки-но Хиган. А еще сегодня день рожденья Бильбо и Фродо, а у нас начались холод и серость. Не люблю.

Осень серая пришла к нам
Сутки расколола пополам
Нужно достать пальто
Тогда будет тепло
Или кофту и платок
И улечься в уголок.

У нас в районной библиотеке есть столик куда люди кладут ненужные им книги, а другие интересуются и свои тоже несут. Мы тоже относим и приносим. Последняя книга – польского еврея Игнатия Шенфельда. Там очерки-воспоминания о тяжелых временах и очень хороших людях. О Домбровском, Штильмарке и многих других, все друзья по лагерям. Кстати, “Наследника из Калькутты” мы недавно там взяли, сами перечитывать не смогли, дали внучке. Теперь обратно заберем, пусть живет у нас.

Шенфельд пишет о страшном, но это у него не главное, его людские судьбы волнуют, переживает их. Он, наверное, очень хороший человек, о других больше, чем о себе думает.
А я вот о себе думаю, каких только кровей во мне не течет. Дед по отцу – русский, дед по матери – швед. Мать отца – француженка, мамина мама – коми-зырянка. И зубы у нас совковые, а это говорят признак монголоидный, но вот еврейской крови нет, хотя кто знает, о чем я очень сожалею. А еще были разговоры, что коми-зыряне и японцы общие корни имеют. То ли японцы пришли к нам на север, то ли наоборот. Филологи нашли общие слова в их языках. (См. книгу Жакова, «зырянского Рериха». Она была у Квятковского А.П. Может, бабушка в юности подарила? Они дружили). Нам это понравилось, мы так любим японскую культуру. Вот еще китайцев бы в родственники, совсем здорово было бы. Ну я увлеклась не теми воспоминаниям, а я обещала Гарику вспомнить историю создания нашего семейного журнала «Ретрополь». И окончательно запуталась. Я одно помню, Наташа по другому и плохо стыкуется это, но обещанья нужно выполнять.

Дорогой Гарик!
Сначала прошу прощенья, что так долго собиралась тебе ответить. Все время отвлекаешься на более насущные дела, да и вспоминается все как-то кусками, которые не соединяются. С Наташиной помощью пробовала, но еще больше запуталась.
Первый, на котором написан 79 год, годы я подписывала много спустя и, кажется, ошиблась, должен быть 78 год. Делали мы его с Катей и Митей в сентябре, к маминому дню рожденья, 17 он у нее. Наташа не участвовала, была в арх. экспедиции в Молдавии, вернулась к 17. А позже она уже не ездила по экспедициям. Катя была в Москве, после первого курса практика небольшая, а на следующих курсах она уже возвращалась к первому октября, началу занятий. Я всегда думала, что название мы придумали в качестве пародии на Метрополь. Но тут опять не сходится, я посмотрела в инете и там написано, что он появился в 79 году. А я помню, что видела Метрополь в мастерской у художника Коли Офицерова (Ларского, ему почему-то не нравилась его фамилия, и он ее поменял, но мы его знали очень давно по художественной студии Ряжского (Хазанова), куда все мы ходили рисовать, сначала мама, а потом и мы все). Но я его после 78 не видела, это точно. То что я видела не особо разглядывала, противно мне стало. Может это была какая-то его часть, они ведь не в один день его сделали. И в Катиной страничке про снежного человека, история про студента второго курса, который встретил снежного человека прямо на Пятницкой. Там несколько историй о разных людях, которые встретили йети прямо на Пятницкой. В журнале Пионер была сотрудница, которая все время опаздывала на работу и объясняла разными историями, которые с ней произошли прямо на Пятницкой, где она жила. У Наташи в других номерах тоже что-то происходит прямо на Пятницкой. Потому что прямо (почти) на Пятницкой, в Старотолмачевском, жили и живут наши дюбимые друзья.

Первый номер без особенных художественных изысков. Стихи, простые коллажи, стихи подписывали псевдонимами, тогда нам было смешно.

СОНЕТ

Склоненный низко перед Вашим троном,
Скажу: пускай в волшебном мире,
Где феи с эльфами беседуют в эфире,
Вам отольют достойную корону.

Пускай вплетут в нее лучей мерцанье,
Алмазов блеск; пускай они из меха
Сошьют Вам одеянье цвета эха
Чтоб Ваше подчеркнуть очарованье.

Пускай Вам подадут карету,
Коней крылатых три-четыре…
Быть может, развлечет Вас это

Хотя б немного, хоть на час…
Но нет ни в том, ни в этом мире
Подарка, что достоин Вас!

Кэт Бесподобная.

Это Катя для бабушки, а Митя написал:

Льется музыка из форточки открытой
Льется музыка из каменного дома
Льется музыка из граммофонной трубки
Эта музыка прекрасно нам знакома

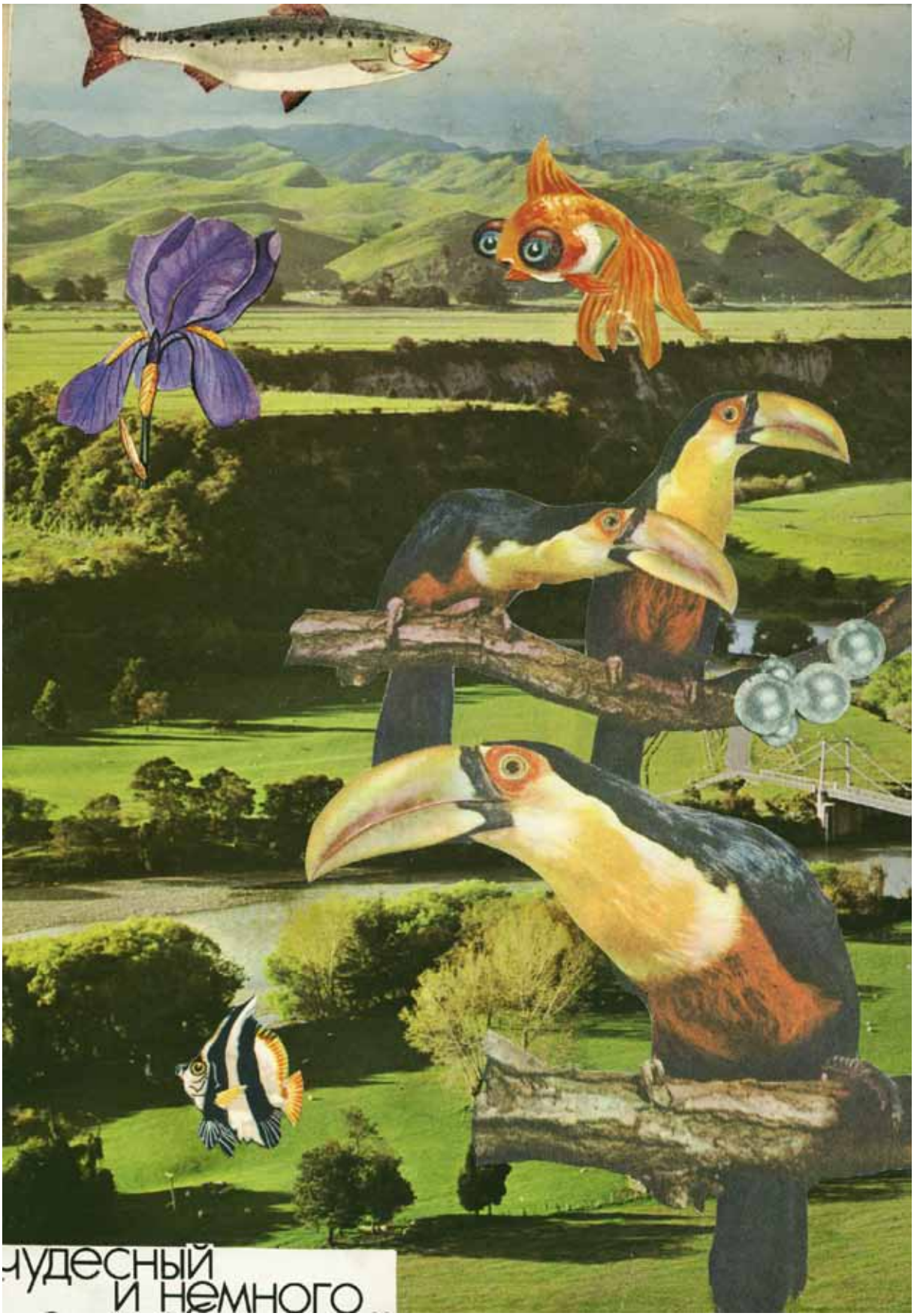
Нам знакомы песни этой трели
Мы их изучили очень тонко
Только вот совсем нам не понятно
Для чего звучит она так громко

Надрывается, хрипит динамик
Объясняет нам как трудно в первом классе
Слыша Пугачевой нежный голос
Хочется бежать нам восвояси

Д. Гениальный.

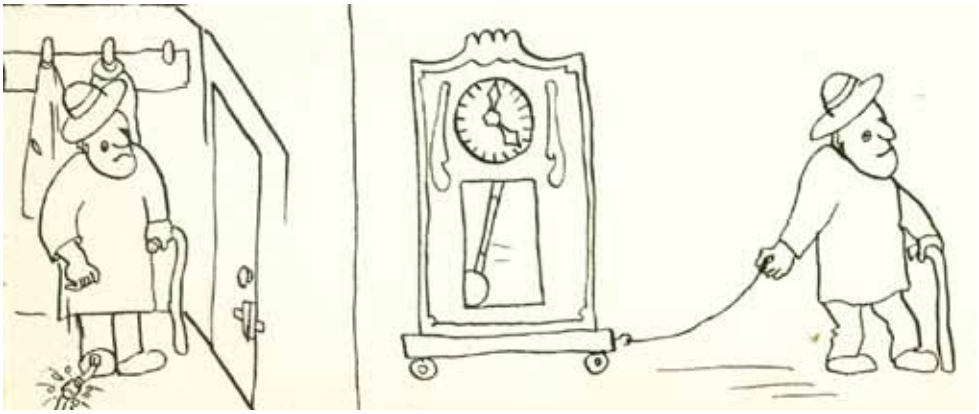
Стихи по случаю, нас тогда доставали соседи громкой музыкой.

Еще были К. Юрский (в смысле геологический период), Д. Внук, Т. Седых. Фантазия та еще, но мы веселились, и в каждом номере кроссворд, их в основном составляла Катя. В то время в Науке и жизни были кроссворды для эрудитов и мы их всей семьей разгадывали, вот мы и развлекались, передразнивая их.


чудесный
и немного

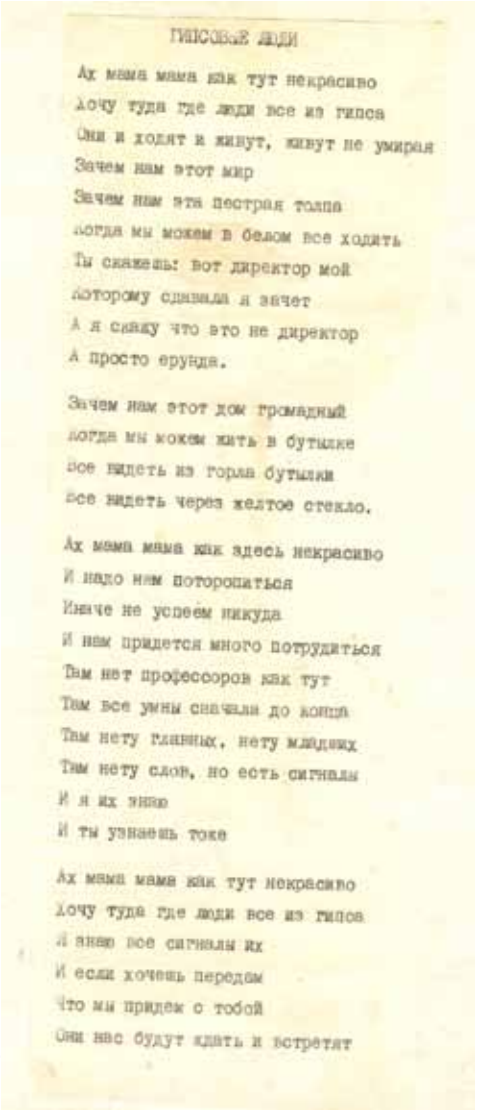
Вот такие там были картинки, и вот такие: и много чего было.

Митин юмор, например



И Валины стихи про Гипсовых людей.

(“Гипсовые люди” - это произведения американского скульптора, Сигал, кажется, его фамилия. Он снимал гипсовые формы со своих знакомых, причем они оставались живы, отливал скульптуры и помещал их в естественную обстановку, на одной выставке у него было полвагона метро, и они там сидели. Н.Д.)



ГИПСОВЫЕ ЛЮДИ

Ах мама мама как тут некрасиво
Хочу туда где люди все из гипса
Они и ходят и живут, живут не умирая
Зачем нам этот мир
Зачем нам эта пестрая толпа
Когда мы можем в белом все ходить
Ты скажешь: вот директор мой
Которому сдавала я зачет
А я скажу что это не директор
А просто ерунда.

Зачем нам этот дом громадный
Когда мы можем жить в бутылке
Все видеть из горла бутылки
Все видеть через желтое стекло.

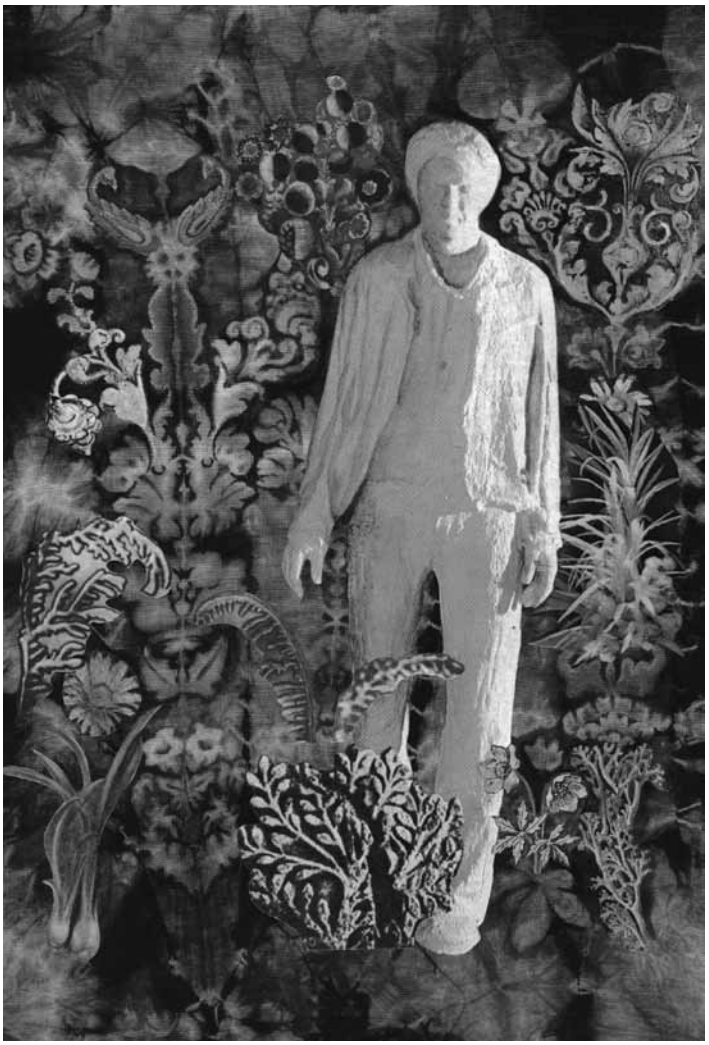
Ах мама мама как здесь некрасиво
И надо нам поторопиться
Иначе не успеем никуда
И нам придется много потрудиться
Там нет профессоров как тут
Там все умны сначала до конца
Там нету главных, нету младших
Там нету слов, но есть сигналы
И я их знаю
И ты узнаешь тоже

Ах мама мама как тут некрасиво
Хочу туда где люди все из гипса
Я знаю все сигналы их
И если хочешь передам
Что мы придем с тобой
Они нас будут ждать и встретят

В третьем опять Валины стихи и Наташина пародия на братьев Стругацких «Воспоминание о настоящем». К какому семейному празднику он был сделан не помню. Четвертый к Ириному приезду. В нем мои коллажные стихи, Наташина пьеса, и во всех Митины рисунки. Он в детстве очень хорошо рисовал и сейчас может, только ему не интересно. Последний раз мы его заставили нарисовать картинку к Наташиному переводу «Охоты на Снарка», года два назад. Наташа с детьми создали Рыцарский роман с иллюстрациями из Пионера, она там рисовала шахматные истории. Детей приходилось заставлять, и тогда родилась фраза: “Пиши стихи, идиот!” Пятый номер у тебя, а шестой последний, мы его делали к Новому году, и доделывали уже после. У нас тогда была Ира, ее тоже пытались заставить что-нибудь написать, а она написала объяснительную записку, почему она этого делать не будет.

Объяснительная записка

Ввиду предварительного получения предложения общественной редакции Безцензурного журнала «Ретрополь» о принятии участия в самостоятельной подготовке индивидуального материала с целью предполагаемого включения в раздел тематики очередного готовящегося к возможному изданию выпуска, на основании всестороннего многократного изучения вариантов приемлемого решения поставленной задачи, в связи с выявлением присутствия наличия дефицита необходимого уровня развития умственных способностей, недвусмысленно выраженного в результате априорного исследования отсутствия необходимой качественной предварительной культурной подготовки находящейся в тяжелом отягчении фактом отупения, являющегося результатом двадцатилетнего отправления обязанностей, связанных с исполнением функций, принципиально несовместимых со свойствами личности, проходящей систематическую подготовку

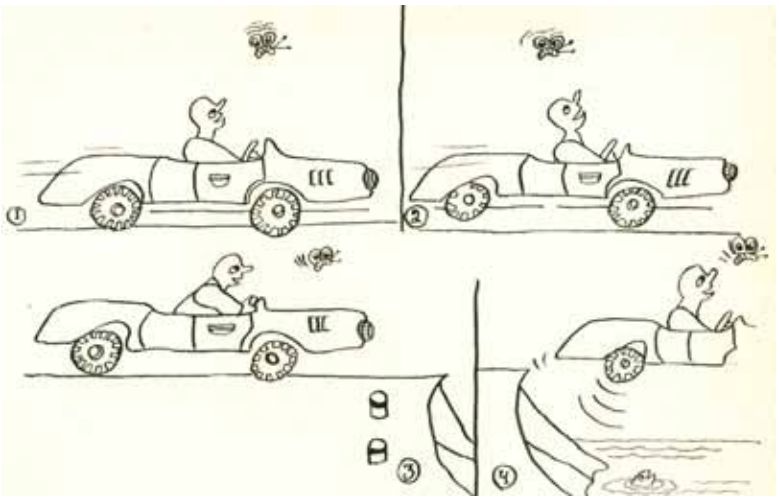


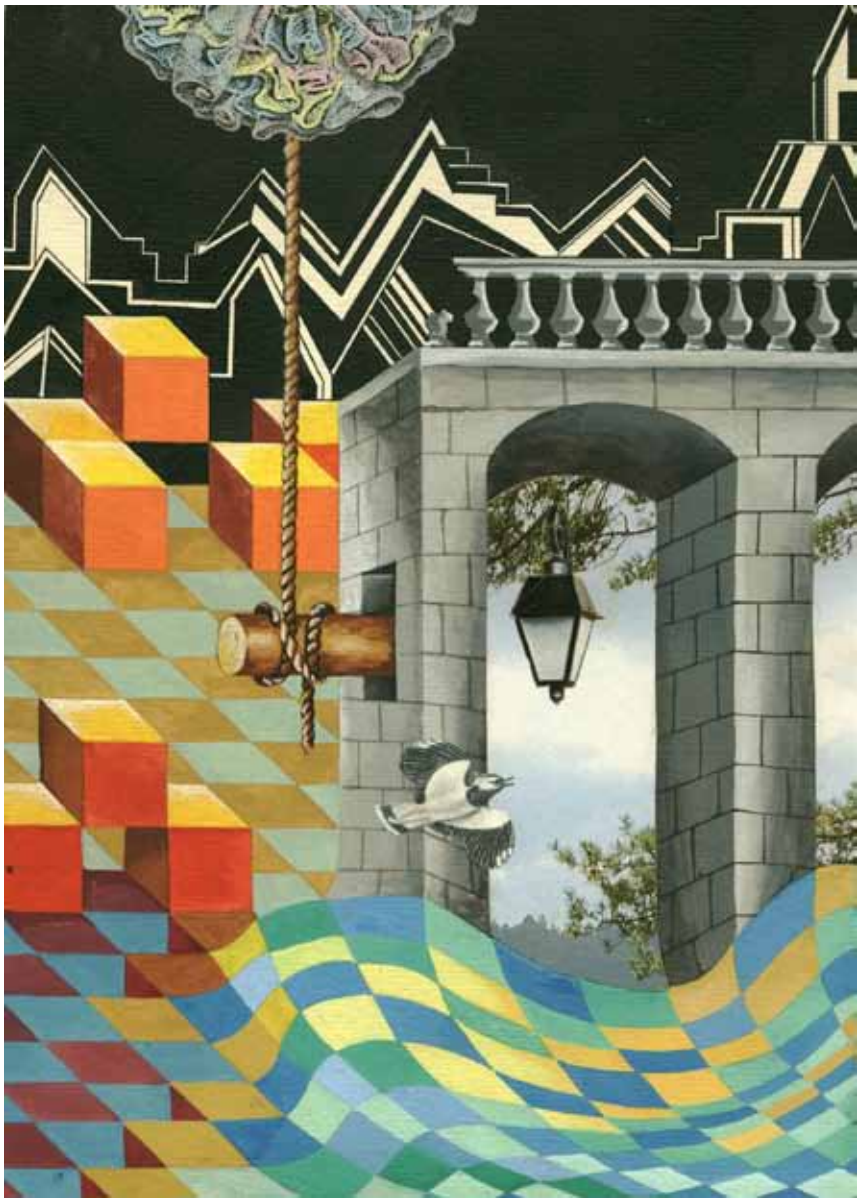
для создания необходимых интеллектуальных ценностей, соответствующих качественным характеристикам, являющимся необходимым условием принадлежности к материалам, отбираемым для включения в публикацию на страницах Безцензурного журнала «Ретрополь» и отсутствием реальной надежды несмотря на привлечение использования всех имеющихся в распоряжении ресурсов развития достижения предусмотренного необходимостью уровня публикуемых материалов, убедительно прошу, принимая во внимание вышеизложенное, из перечня потенциальных авторов планируемых к включению материалов в предполагаемое издание Безцензурного журнала «Ретрополь» исключить меня окончательно в связи с изложенным.

Главный художественный руководитель Республиканского Дома Моделей Одежды министерства Легкой Промышленности Казахской ССР
И. Доброхотова.

Государственный служащий, приходилось ей таким языком выражаться.

Больше Митиных картинок нет, он в это время служил во флоте, на Тихом океане. Когда он служил (целых три года) я в письма ему вкладывала перепечатанные стихи с морской и героической тематикой и про природу и смешные, а про любовь нини, начиная с Ломоносова и кончая Заболоцким. Потом мы сделали книжечку из них и называлась она «Антология русского стиха для рядового состава ВМФ. Её мы ему тоже послали, а обложку и форзац я сделала из своей графики со скелетами, которые жили своей жизнью. Так эту книжку у него украл, из-за картинок, капитан замполит. И вскоре он сошел с ума и его списали на берег, надеюсь, что в этом не я была виновата. А служил он на «Новороссийске», авианосце, который вскорости продали японцам на металлолом.





Кроме Ретрополей, мы писали, рисовали, печатали на машинке и клеили массу других книжек, мы с детьми и без них, они с нами и без нас. Может ещё расскажем. Н. Д.-М.

Фото на обложке журнала "Новое время", №30, 25 июня 1986 года. А жить так мало оставалось - и Стране Советов, и Новороссийску. Но журнал выходит, и мы тоже живы. Н.Д.

И еще мне почему-то кажется, что был совсем первый номер в лето 77 года, когда Катя поступала в университет, а сначала сдавала школьные экзамены. Наташа тогда уехала с Митей в археологическую экспедицию, побоялась, что не выдержит такой нервной жизни, полтора месяца волноваться за любимое чадо, а так телеграммки с пятерками, весь лагерь поздравляет. Мама уехала с Валей в Аэгвийду, а я осталась окружать Катю заботой и вниманием, и создавать ей все условия для успешных занятий. Но вместо этого у нас получилась безумно светская жизнь с бесконечными гостями, пиршествами и прогулками по ночам в лес слушать соловьев. Я то шила ей выпускное платье, то пекла пироги и что-то сочиняла, резала, клеила. И, кажется, мы сделали с Катей

журнал к Наташиному рожденью, красивое число было 7.7.77. были стихи и картинки. Но он пропал, если был, и как он назывался не помню. Несмотря на бурную жизнь, Катя сдала все на отлично и уехала к Наташе с Митей, а я приняла участие в реставрации храма в Расторгуеве, а скоро и лето кончилось. И сейчас оно кончилось. Про дедов напишу в другой раз. Привет Т. Д-М

У компьютера очень холодно, а на улице и подавно. Для хорошего времяпровождения у меня есть дивный плед из ламы, невесомый, теплый очень. Его Ира из Эквадора привезла.

1 октября. Клеили Мите подарок с детьми, ему сегодня 45, перебирала бумажки, в поисках подходящих заголовков, попалась мне статья Бердяева о Пикассо, вырванная давно из какого-то журнала. Кстати, у нас на полке стоит его книжка со всеми статьями и я ее не читала. А разрозненные листочки читать увлекательно. Я это к тому, что слово мне незнакомое в ней попалось. Пассеизм – пристрастие к прошлому, французское слово. Вставлю кусочек, чтобы было понятно, с чем его едят

> …И думается горькая и печальная дума о том, что не будет уже прекрасных тел, чистых кристаллов, радостей воплощенной жизни, синтетически-целостных восприятий вещей, органической культуры. Все это пассеизм и пассеисты обречены на щемящую печаль, на воздыхание о прошлом, на жуткий ужас от гибели воплощенной красоты мира.
> Кажется, что в самой природе, в ея ритме и круговороте что-то безповоротно надломилось и изменилось. Нет уже и быть не может такой прекрасной весны, такого солнечнаго лета. Времена года смешиваются. Не радуют уже так восходы и закаты солнца, как радовали прежде. Солнце уже не так светит. Наша жизнь есть сплошная декристаллизация, дематериализация, развоплощение. Материальный мир казался абсолютно устойчивым, твердо скристаллизованным. Но эта устойчивость оказалась относительной. Материальный мир не субстанциален – он лишь функционален….

Помню как в детстве баба Ляля любила говорить: и волны уже не те, что были прежде. Из анекдота. Идут две барыни «из бывших» по берегу моря. Одна: - посмотри, какие волны… - Другая вздыхает: - Ах, разве это волны? Разве до революции были такие волны?

Не правда ли что древле
Все было лучше и дешевле.

И те кто грудью встают за советскую власть – бедные пассеисты. Они лишены зрения теперешнего и так много теряют. Конечно, сейчас жизнь отвратительна, сплошной обман. От наших сросшихся близнецов волосы

встают дыбом и прочие неприятные явления. Интересно доживем ли мы до тех пор, как выпустят Ходорковского и власти куда-нибудь сгинут? Но ведь иногда светит солнце, хотя и прохладно. Осень, деревья то красные, то желтые стоят. Наташа даже на помойку с фотоаппаратом ходит. Красивые дорожки снимает и отражения. Смотришь потом на экране и еще раз радуешься.

На бумажных фотографиях хуже смотрится. Они мельче, площе и не прозрачные. Кстати о помойке. Она тоже источник книжных находок. Недавно выкинули гору книг вместе с полками и прочей мебелью и одеждой. Очевидно умерла старушка-врач. Много медицинских книг, пятидесятых годов, а художественная литература девяностых годов издания. Много мемуарной литературы: Гиппиус, жены Булгакова и другие, очень разные у нее интересы были. Я принесла для Кати - Гейне, Байрона и ценный архитектурный словарь, он ей как раз сейчас нужен. А себе том из серии малой энциклопедии искусств, Стругацких, Лема и еще что-то, А.Меня и евангелие, просто потому, что не могу видеть их на помойке. Мы уже несколько евангелий оттуда принесли, надо бы в храм отнести.

И еще маленький альбомчик фотографий, ей, старушке этой, судя по надписи, подарил его полковник в пятидесятом году, родственник, наверное. Мы его Гарику отдали. Добром помянули неизвестную старушку, может кроме нас и некому. Помню еще на помойку несколько лет назад выбросили библиотеку филолога Панова, он в соседнем доме жил. У нас с ним было не очень приятное знакомство. Давно уже «Педагогика» издавала словарь «Юного филолога», он был составитель, научный редактор и главный автор. Худ. редактор Храмов хотел, чтобы мы его иллюстрировали, мы перед этим делали Юного химика и Юного математика и нас там любили, как художников, а Панов ни в какую, все что мы делали он отвергал. Потом оказалось, что он хотел своего художника противного карикатуриста и добился своего, книга вышла с пошлыми картинками.

Пановских книжек нам немного досталось, тогда на помойке любители дежурили, ждали, когда очередную тачку привезут, а мы сбоку подобрали. Несколько книг из БВЛ и журналы Tvar (чешский) и Proekt (польский – зачем они ему были?) и еще какие-то по прикладному искусству. И простили ему обиды.
А «юных математиков» мы сделали два, один в Педагогике, другой в Аванте. Составителем и автором был замечательный человек Савин, у нас были почти дружеские отношения и взаимопонимание, хорошо было с ним работать, легко и приятно

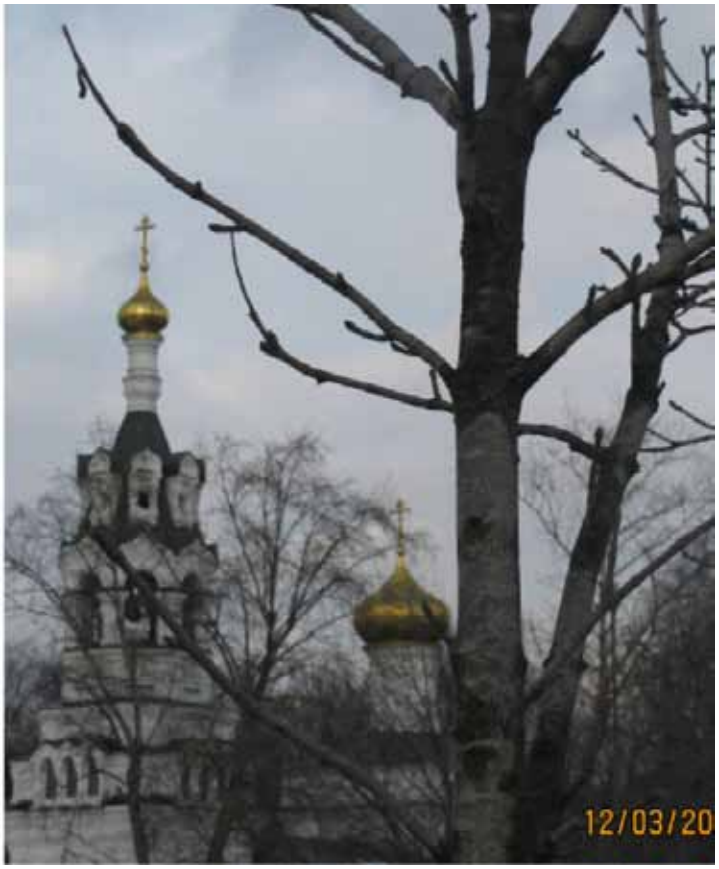
Не успел он до конца том довести в Аванте. У него оказался рак легких, а он все говорил, что воспаление легких и в больнице работал, мы к нему ездили обсуждать эскизы. Умирал долго и мучительно, а ведь шестидесяти еще не было, и никогда в жизни не курил.
А соседка наша, мамина подруга Ангелина – геолог, всю жизнь в поле, Сибирь, Средняя Азия, начальником была, после войны работали у нее заключенные, маленькая такая энергичная и неунывающая женщина была. Курила Беломор, как паровоз. Когда мы познакомились, она уже мало ездила, но судя по тому, как она держала своих сыновей в ежовых рукавицах, очень волевая была. У нее была профессиональная болезнь – язва, сама ела каши, а «мальчикам» готовила каждый день котлеты, сама покупала брюки короткие и нескладные,

Как-то, еще во времена Педагогики, он должен был приехать к нам домой, мы его ждем, рисунки разложили, кофе выпили, а его все нет. Решили уж не приедет, но он таки доехал. Оказалось, что он ехал к нам на втором трамвае, и вдруг огромное дерево упало на рельсы перед самым носом трамвая, если у него есть нос. Высадили всех из него и пришлось ему идти пешком, в том районе другого транспорта нет, а еще не зная местности

Эти картинки мы рисовали для Аванты. Тогда Аванта процветала, молодая была, богатая, щедрая! Какие были планы! Помещение какое, на улице 905 года! Математику мы делали тогда не только с Савиным, но и с прежней редакторшей из Педагогики, Люсей Багровой.

И ещё подружились там с молодым автором, Сашей Жуковым. На работу как в гости ездили, как на светский приём! Потом ещё ездили к Жукову на Рождественский бульвар, там была Детская щкола программистов, бывали интересные люди, презентации устраивали, выставки... вот жизнь была! Школа эта сейчас, кажется, существует только виртуально, на сайте "Планета математика", там много интересного, инашего в том числе.

но добротные и вязала им свитера. На почве вязанья она и подружилась с мамой, училась у нее вязать. Детей своих очень любила и гордилась ими. Старший был математик, кандидат, очень умный и несколько не от мира сего, одна наука его интересовала. Второй – астроном, доктор, более светский, любил всякие байки сочинять, уверяя что так оно и было, и с ним лично случилось. Ангелина умерла от рака легких в 81 год, плохо ей было полтора дня, а до этого не ложилась, о раке даже не подозревала, бегала по магазинам, готовила, хотя была почти слепая, очень была жизнерадостная. И в течение двух лет умерли оба ее сына. Старший утонул в Симеизе, там у астронома при обсерватории домик был, а потом и он собрался ехать в Симеиз и в ночь перед поездом умер, ему 50 лет было. Забрала она их к себе, что ли?



Утро 23 октября было дождливое и холодное. Пошли в храм. Храм у нас хороший, намоленный, ни разу не закрывался с 1690 года. Особенно хорошо там было, пока не сделали ремонт, до этого он был темно-благородный, каменный пол весь в ямках, от колен и лбов, наверное. Первый настоятель, при котором мы стали туда ходить, был небольшой, сухонький, прозрачный и с тихим душевным голосом. И службы тогда были какие-то необычные, красивые и с волнующими действиями. Может нам так казалось от нашей темности. И служили там два молодых священника, мы их про себя обозвали Арамисом и д'Артаньяном. Еще один постарше – его мы называли казак, внешне похож и косноязычен, кажется, ему Н.Л. Трауберг кандидатскую писала, или как она у них называется, и пьяница дьякон, какое-то у него странное имя было, уже не помню (ну как же, о. Иннокентий). Имен мы их тогда не знали. Красивые были с ласковыми голосами. Один до сих пор служит и голос такой же, только борода седая, а тогда вообще не было. На нашей памяти уже третий настоятель. Сейчас у нас епископ Дмитровский. Большой человек – такой ремонт отгрохал: полы поменял, все иконы в золоте с красным, богато очень. Священников теперь пять, дьяконов два. Все хорошо, только когда епископ служит – очень пышно и долго. Он служит по воскресеньям, а мы ходим в субботу, а позолота скоро потемнеет, полы уже не так сверкают.

На кладбище летом выносят потрясающие фуксии...

Храм наш знаменит тем, что там похоронен Иван Яковлевич Корейша. Из его могилы выросла огромная корявая липа и почитатели протерли головами дерево, кору отковыривали, на его могилку клали карамельки и копеечки. Так наш настоятель приказал спилить липу, якобы она могла упасть, чурбаки потом лежали такие здоровые, свежие, она бы еще сто лет простояла. Надгробие сделали из черного мрамора и фонари подсвечивают все это безобразие, а сверху куполообразный навес. Ветки нарезали на маленькие кусочки и каждый мог взять сучочек.

Из храма поехали искать Наташе сапоги, нашли то что она хотела. Я вот недавно заглядывала в Гончарова «Фрегат Паллада», искала, что он написал про чай в Китае. И попалась мне фраза: «…вот что значит скука-то: заговоришь `a propos des bottes». Что значит буквально: «о башмаках», в переносном смысле: «о чем попало» (франц.). Это к моему писанию относится. А вечером приехала дочь и любимая подруга. Невестка испекла торт, Валя привезла несколько сортов экзотического сыра и трюфели. Получился очень изысканный пир.

А вообще-то сейчас все серо, голо и промозгло. Все чихают и кашляют и у всех осенняя депрессия и унылые голоса.

Кажется, отступление затянулось и продолжается в настоящем времени (с надеждой на будущее). Храм стоит на горке, под ним был роскошный пруд, или речка Архирейка - говорят, в ней какой-то архиерей утонул, не удивительно, и другие тонули каждое лето. Зато какие ивы! Но властям всё неймётся, собрались придать

ландшафту первоначальный вид, восстановить беседки, мосты и каскады, резиденцию московских митрополитов, славный такой был домик, в нём контора была какая-то, выселили, стали реставрировать, всё сожгли, теперь строят заново, как будто церкви денег некуда девать. Может, правда, управу шантажируют, обещают грехи простить. Пока это выглядит вот так.

И огари прошлым летом, говорят, погибли - прилетели по старой памяти гнездиться, вывели своих огарочков, а воды-то нет... обещают, правда, что будет лучше, ну совсем как в старину, при царе.
Н. Д.-М.

Восьмого ноября умер Виталий Гинзбург, атеист он был, как и Сахаров и его любимый ученик Борис Волков. Очень хорошие и достойные люди были. Думаю, что для них Бог создал Небесный Фиан, где им будет хорошо.

(Не могу не вставить от себя. С Борей Волковым, царство ему Небесное, мы работали в экспедиции на Дону. Был конечно же неизменный Лёня Тамм, внук академика, профессиональный бездельник. В экспедиции ведь скучно, все анекдоты в первые же дни рассказали. Вот начальник и говорит Митьке – лет 13 ему было: а какие анекдоты у вас в школе рассказывают? – Митька что-то выдал. Мы и прикололись: в эту глупейшую глупость вместо «идут двое мужиков» говорили «идут Тамм и Гинзбург». Ну, например, сошли Тамм и Гинзбург с электрички, пьяные-пьяные, куда идти, не знают, свалились на рельсы. Тамм говорит: «смотри, вот лестница какая-то». Ну, полезли. Лезут, лезут… Гинзбург оглядывается, видит позади три огня. «А вот и лифт догоняет». Или: Тамм и Гинзбург в кабинете не знают чем заняться. Видят, стоит доска. «Давай устроим качели». – «А на что положим?» - «Да на подоконник». – Перекинули доску через подоконник, Гинзбург помоложе, он вылез наружу, качаются. Тут в соседней комнате зазвонил телефон. Тамм пошел к телефону. Возвращается: - «Ну вот, Виталий, он всегда так! Ушел, да еще и доску унес!».
И все в таком плане. Как-то Боря спрашивает Митьку: как ты себе представляешь Гинзбурга? – «Такой… дурак-дурак, и всегда пьяный». Уверена, что Боря с Гинзбургом поделился. – Н.Д.)

Справа Ю.Смирнов (начальник), Л.Тамм и Митя. Н.Д.-М.

Несколько сезонов мы работали в Донской экспедиции. Скорее всего, это год 76, а внизу - 77 или даже 78.
Археология, иначе гробокопательство.
На заднем плане - Митя (спиной) и Таня, на первом безымянный скелет примерно пятитысячелетней давности.

Ноябрь, 13, пятница.
Черная пятница – наш семейный праздник, образовался он в начале семидесятых. Наташа тогда работала в «Пионере». Кажется тогда появилась заметка в журнале «Вокруг света» о судовладельце, который назвал корабль «Пятница 13». И то ли его спустили на воду 13 в пятницу и он тут же утонул, или раньше, а утонул он в пятницу 13, уже не помню. А еще раньше был стишок Успенского

Лился сумрак голубой
В паруса фрегата.
Провожала на разбой
Бабушка пирата.
Два кастета уложила
И для золота мешок,
А потом, конечно, мыло
И зубной порошок.
«Дорогой кормилец наш,
Сокол одноглазый,

Ты смотри, на абордаж
Попусту не лазай.
Без нужды не посещай
Злачные притоны.
Зря сирот не обижай!
Береги патроны.
Без закуски ром не пей,
Очень вредно это,
И всегда ходи с бубей,
Если хода нету!»

Из этой смеси получилась игра-история про бабушку-пиратку, ее возлюбленного Поля Бармена, прекрасную Анжелику, дочь антиквара, красавца мичмана и злодеев: вождь племени Тумба-Лумба, весь покрыт татуировкой и переодетый пастором, владелец магазинчика «колониальные товары» - месье Катурик. У Наташи в Романе есть сцена в таверне «Красотка Пегги», которую я с удовольствием привожу. И советую любезному читателю, будь то родственник или знакомый, прочесть роман «Новое путешествие мистера Томпкинса». Очень увлекательное и полезное чтение.

Дверь с грохотом распахнулась. В таверну ворвался ветер.
- Войдите! - сказала Красотка Пэгги. - Добро пожаловать! Но никто не вошел.
- Закройте дверь, - сказала Красотка Пэгги, - дует. Никого нет.
Какой-то пират закрыл дверь, и тут все увидели, что в кресле у очага сидит человек. А раньше там никого не было.

И сразу стало тихо. Человек встал.
Он был очень высок ростом.Он распахнул плащ и снял шляпу. У него были седые волосы. Они развевались. Его глаза сверкали. Он запел:

Смешались небо и волна
И гасит дождь лучи
И помогает зыбь, мрачна,
Всем подвигам в ночи

Зоэра! В море реет смерть!
Вот пеленгатор бурь
Завыл - и прямо над водой
Встает звезда Сатурн

Опасность ждет не тут, не тут!
(о сокол среди мглы)
Не ты ли это закричал
Взбегая на причал

И через смерч, где центр – покой
Успение сердец
Ты не привел ее с собой
Ни друга, наконец

Бьет ужас тени мачт в воде
О помощи моля
Безумный страх знаком звезде
И борту корабля

Не знаем страха мы нигде
Для нас преграды нет
Всегда нас выручат в беде
Клинок и пистолет

Ни стая гурий, ни эдем,
Ни жемчуг, ни лазурь
Внизу колышется свинец
Вверху стоит Сатурн

Хвала тому, кто уцелел!
Погибшему венец
Назначен каждому удел
И Смерть за всех.

КОНЕЦ

- Летучий Голландец! - прошелестело по залу, как легкое дуновение, и все лица стали белее мела.
И тут раздался спокойный звучный женский голос.
- Терпеть не могу голландцев, - сказала бабушка-пиратка.
Она незаметно вошла в зал и теперь стояла возле стойки, высокая, красивая, надменная, с младенцем на руках. Летучий Голландец окинул ее презрительным взором.
- Если бы я не боялся обидеть присутствующих здесь дам, - отчеканил он, слегка поклонившись Красотке Пэгги, - я сказал бы, что я терпеть не могу баб.
В полной тишине бабушка-пиратка подошла к нему вплотную.
- За такие слова полагается платить, - тихо сказала она.
.

- Ну что ж, я никогда никому ничего не был должен.
- Платить кровью.
- О, такие долги я плачу охотнее всего!
- Я тоже.
- Сударыня, - саркастически улыбаясь, сказал Летучий Голландец. - В делах такого рода я предпочитаю иметь дело с мужчиной.
- Я тоже, - серьезно сказала бабушка-пиратка.
Летучий Голландец вздрогнул, лицо его исказилось.
- Каррамба! - вскричал он, выхватил пистолет и четырьмя выстрелами, почти не целясь, сбил пламя с четырех свечей.

Не торопясь, красавица-старуха, в полной тишине и в полусвете от рдеющих в камине углей, подошла к ближайшему пирату, не глядя передала ему ребенка, вынула у него из-за пояса пистолет, не торопясь проверила, как он заряжен, не торопясь прицелилась. Вся банда, затаив дыхание, смотрела на тяжелый пистолет в тонкой твердой руке. Четыре выстрела прогремели один за другим.
Четыре свечи, погашенные Летучим Голландцем, зажглись.
- Кольт уравнивает всех, - сказала пиратка, глядя в упор на мрачного пришельца.
- Да, - тихо ответил тот.
Соблюдая положенный в таких случаях ритуал, матросы обеих команд отступили к стенам таверны, освободив большое пространство. Только всеобще глубокое молчание выражало необычайность происходящего. Оба капитана с молчаливого согласия всех взяли на себя обязанности секундантов. Они отмерили восемь шагов (как раз расстояние между двумя длинными столами) и развели противников. Капитан «Нивернезы» встал посредине и поднял белый платок. Летучий Голландец и бабушка-пиратка начали прицеливаться. В напряженную тишину (все затаили дыхание) тяжело упали слова отсчета:

РАЗ
ДВА

- Нет, - сказал Летучий Голландец, опустив пистолет, - клянусь, я не сделаю этого. Сам дьявол - да что я! - мой злейший враг мог бы стоять передо мной безопасно в таком наряде! Она же пусть стреляет, если хочет.

Несколько секунд пиратка смотрела на него пронзительным взглядом, но он не прибавил ни слова. Она отдала пистолет секунданту, вынула из-за корсажа длинный нож и показала его противнику на открытой ладони. Летучий Голландец молча покачал головой.
- Тогда осталось только одно средство, - сказала бабушка-пиратка.
Легкое движение прошло среди присутствующих. Никто не понял слов старухи. Все предположили ужасное. Но Красотка Пэгги поняла все прекрасно. Она позвала двух матросов и с их помощью вынесла из задних комнат небольшой столик с очень толстой дубовой доской, который поставили между двумя противниками, еще не оставившими своих позиций. Затем были вынесены и поставлены к столу два дубовых стула с резными спинками.
Бабушка-пиратка уселась на один из стульев. Левой рукой она указала Голландцу на другой стул, предлагая занять его, а правую руку поставила локтем на стол, подняв ладонь вверх.
- Сударыня! - вскричал изумленно Летучий Голландец. - Возможно ли? Вы предлагаете мне...
- Садитесь, - сказала бабушка-пиратка.
- Если бы я знал, что меня здесь заставят разыгрывать комедию...
- Разговору много..
- Проклятье, - пробормотал Голландец.
Он сел за стол и утвердил свой правый локоть против локтя женщины. Они сомкнули ладони.
Прошло несколько секунд - ничего не произошло. Зрителям было видно, как выражение неудовольствия на лице Летучего Голландца сменилось выражением сильного напряжения, а это - изумлением. Но, не шевельнув ни одним пальцем, сидящие за столом напрягали между тем все силы, чтобы пригнуть правую руку противника и прижать ее тыльной стороной ладони к столу. Ни одному это пока не удалось. А время шло.
Словно притянутые магнитом, матросы приблизились кольцом и окружили стол. Среди них стояли и оба капитана, и Красотка Пэгги.
Все молчали. Вдруг раздался громкий треск. Противники с такой силой упирались локтями в стол, что двухдюймовая мореного дуба доска раскололась пополам!
- Каррамба! - вскричал Летучий Голландец, срываясь с места. - Не думал я, что еще одна женщина в мире способна на это.
- Кто первая? - крикнула бабушка-пиратка, тоже вскочив и впиваясь в него горящими глазами.
Крупная дрожь сотрясла Летучего Голландца. Лицо его трагически побледнело. Глаза неестественно засверкали. Он видимо боролся с охватившим его волнением и победил. По щеке его скатилась слеза.
- Ее звали Черная Пятница, - тихо сказал он. - Она водила корабль с таким же именем и не знала поражений. Я любил ее...

При этих словах вызывающий взгляд пиратки внезапно смягчился, ее суровое лицо стало нежным и невыразимо прекрасным.
- Поль... - прошептала она.
- Black Friday! - воскликнул в порыве восторга Летучий Голландец (это был знаменитый когда-то пират Поль), и старинные любовники, внезапно нашедшие друг друга, упали друг другу в объятия.
.....
- Поль, - сказала пиратка, указывая на подходящую с ребенком на руках Красотку Пэгги, - вот наша дочь, а это наш внук.
Летучий Голландец обнял дочь и поцеловал внука.
- Любимая, - сказал он, обращаясь к бабушке, - а где наша старшая дочь? Где Ирен?
- Я скажу тебе это потом, - прошептала пиратка, склоняя голову к нему на плечо.

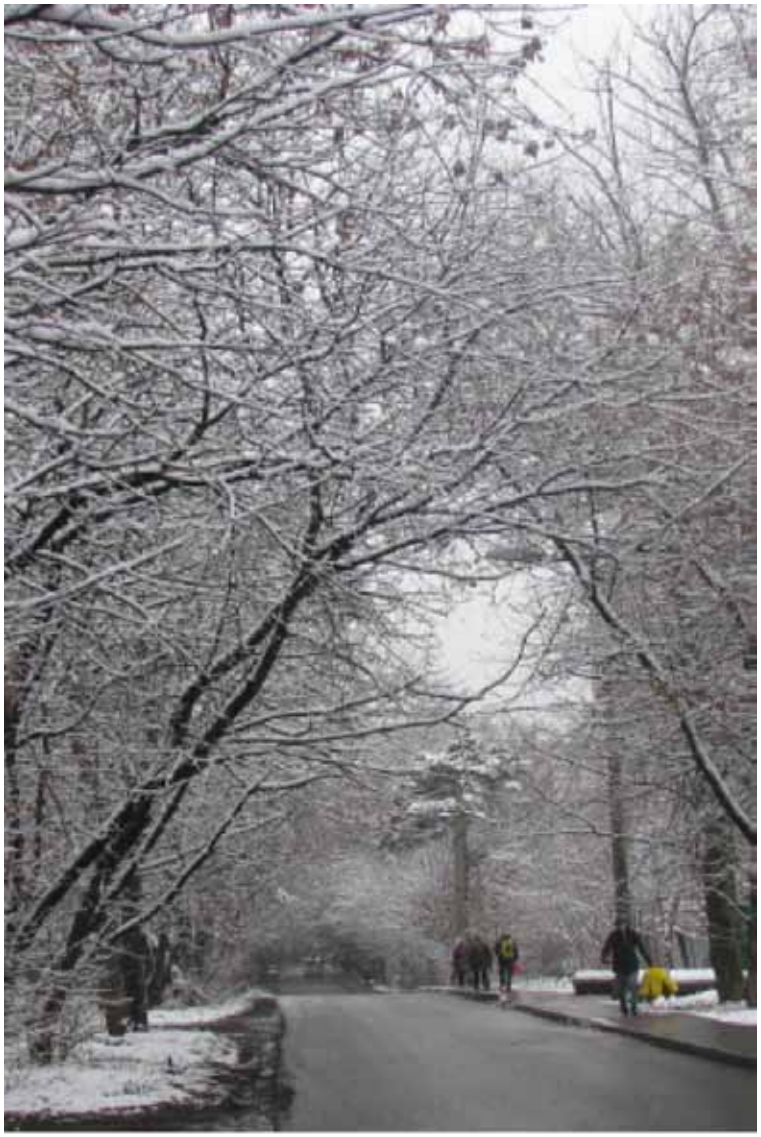
Придумывали историю все вместе. Мама наша стала бабушкой-пираткой. Мы сделали коллажные портреты предков – бабушки-пиратки и Поля Бармена, нам кто-то принес (кажется, Андрей Бабиченко) стопку иностранных киножурналов и в них мы нашли актрису, которая была очень похожа на маму, и Поля красавца мужчину, ну а остальное откуда придется. Портреты висят у нас до сих пор и доска корабельная «Black Friday», все что осталось от пиратского корабля. Хотели написать пьесу, начали, но как-то заглохло. Володя Пятницкий тоже участвовал, его строчки:

Здорово, ребятишки!
Прокинемся в картишки? *(в сторону)*
Пока они не пьяны,
Я их узнаю планы.

(Это бывший вождь племени Тумба-Лумба, скрывающийся под видом пастора, хочет обмануть бывших пиратов, тоже скрывающихся под видом).
Вся коллизия в том, что у пиратки была карта с указанием, где зарыты сокровища, но она была умна и предусмотрительна, разрезала ее на кусочки и намотала на них клубки. Она все время вязала и корзинка с шерстью всегда была при ней, а все злодеи пытались найти карту и похитить, и конечно безуспешно. А еще мы склеили домики для героев, получилась целая улица, мама сделала человечков из проволоки, ваты и тряпочек. Выразительные получились. Домики стоят сейчас на шкафу и виде особой милости даем внукам поиграть. . От этого они утратили свою прежнюю красоту, а руки не доходят их починить.

И ничего плохого с нами в этот день не случалось. В былые времена мы пекли пироги и приглашали гостей и в этот раз произошло приятное событие, Лужков решил проверить всех пенсионеров на вшивость, а если они обманывали и работали, то отнять у них свою добавку, а незаконно полученное взыскать. А мы работали и никому не сообщали. Ходили мы и страдали, потому что работа у нас как-то вдруг кончилась, а если деньги отнимут, совсем грустно. И вот смотрим мы 13, в пятницу в компьютер, а там написано, что Лужков издал указ, отнимать не будут, простил нас или испугался. А на улице выпал снег, правда, он только на деревьях, но очень красиво.

Приятно подойти к газетному киоску, а тебе уже протягивают любимую Новую газету. В ней прочла статью о Гоголе, Гениса. Как Гоголя надо читать (я так не умею) и там же упоминается Добычин, которого он обозвал «анти-Гоголем». Мы заинтересовались, вспомнили, что он у нас есть. Была такая серия «Забытая книга», мы их маме покупали, у них были красивые обложки с ситцевым рисунком, а сами не всегда их читали. Нашли и прочли. Грустная книга, «город Эн», действие там около 1905 года. Странные ассоциации возникли: в 1905 – война с Японией, потом 1 Мировая, в 1938 опять война с Японией, и вторая Мировая. А сейчас наш премьер ругается с Японцами, как бы чего не вышло.



Снег ночью упал на деревья
Согнул и перепутал ветки,
Как будто над головой
Бабушкино кружевное покрывало.
Стало все странно и непохоже
Чисто, легко и тревожно.
Можно играть с самим собой,
Что видишь город другой.
Удивляться быстролетным временам
Неоконченной игре событий.
Люди закрылись цветными зонтами
Совсем как на гравюрах Хиросигэ.

Сегодня 27 ноября, а уже неделю стоит теплынь - +6,+8.

Затем снег растаял
Стало серо и уныло
Только в лесу радость,
Охра, сиена, умбра
Туманное влажное небо
Навевает покой
И легкую грусть.

Идешь в исчезающую даль
Тихо и пусто в голове
Только глазами живешь
Закроешь, та же картина.

Даже выглянуло солнце ненадолго.

А сегодня, когда я набираю – 19 января. Утром выяснилось, что моя книга про ЧайКофе понравилась, сказали, что это то что им нужно и вроде собираются печатать, в марте с ней работать начнут. Ну это уж как Бог даст, а что понравилась очень приятно, я уж думала, что она никому кроме Коротковой и Наташи неинтересна. На дворе Крещенский мороз.

Возвращаюсь к пиратской истории, чтобы объяснить как дочь пиратки стала Ирэн Виардо. Это конечно сестра Ира и история подлинная. В Алма-Ате она вышла замуж за фотокорреспондента Огней Алатау или Вечерней Алма-Аты, не помню, газета такая – Василия Марунина. Он старше ее был – 24го, как наш Юра. Воевал, совсем молодой, сержант, был контужен, попал в госпиталь в беспамятности, документов при нем не было. Очнулся и первое слово произнёс: Виардо. Так они и записали, когда он выписывался ему выдали документы на Виардо, он пытался доказать что он Марунин. Им надоело, и приписали Марунин к Виардо. Так Вася и был некоторое время Виардо-Марунин. Сами видели как он рассказывал, что перед боем прочел про роман Тургенева с Виардо и запал на этом. Иру мы стали звать мадам Виардо, когда Наташа была у нее в гостях, они придумали новую игру, вроде продолжения пиратской истории, но там действие происходит в Паулине и много еще где. Меня там не было, но все их истории слышала, но это их – пусть сами и пишут. Умер Вася в марте 1982 года.

Какой пассаж, какой прогресс
Какой скандал, какой процесс
Можно только удивляться
И с крайчику подключаться

Раньше письмо в Алма-Ату шло месяц, а теперь только напиши, оно уже там. Кстати о птичках: пора уже Гарику писать.

7.12.09.